

М. П. ГРЯЗНОВ

**К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУР
СКИФО-СИБИРСКОГО ТИПА В СВЯЗИ
С ОТКРЫТИЕМ КУРГАНА АРЖАН**

Скифская эпоха – это период, когда на обширной территории от Карпат почти до берегов Тихого океана, от пустынь Средней Азии до сибирской тайги многочисленные древние племена поднялись на новую ступень экономического развития – перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству и соответственно этому – к кочевому и полукочевому образу жизни. Они стали создавать в условиях развитого межплеменного культурного обмена культуры скифо-сибирского типа, самобытные и своеобразные, но во всем своем многообразии единые. Археологически они характеризуются единством так называемой скифской триады – оружие, сбруя, скифо-сибирский звериный стиль.

Скифская эпоха была периодом военной демократии, непрерывных варварских войн, но также и значительного для своего времени экономического подъема и расцвета искусств. Зарождается и развивается героический эпос. Развивается в изумительном блеске изобразительное искусство, так называемый скифо-сибирский звериный стиль.

Преобразился лик степей. Медленно двигались по их просторам кочевники в жилых повозках, с огромными стадами скота и табунами лошадей. Иногда это были целые города на колесах. Происходила коренная ломка быта. Вслед за переменами в системе скотоводческого хозяйства, для того времени высокопродуктивного специализированного производства, перестроился весь жизненный уклад. Жизнь в повозках, в постоянном движении вперед от одного пастбища к другому, создав новые условия быта и хозяйства, привела к переоформлению всей культуры в целом. У разных в прошлом по культуре племен сложилась новая культура, более или менее единообразная на всем пространстве степей.

Когда же это произошло? По традиционным взглядам на историю скифской культуры, в VII в. до н. э. Археология скифов – одна из наиболее разработанных отраслей советской археологии. Хотя основные положения

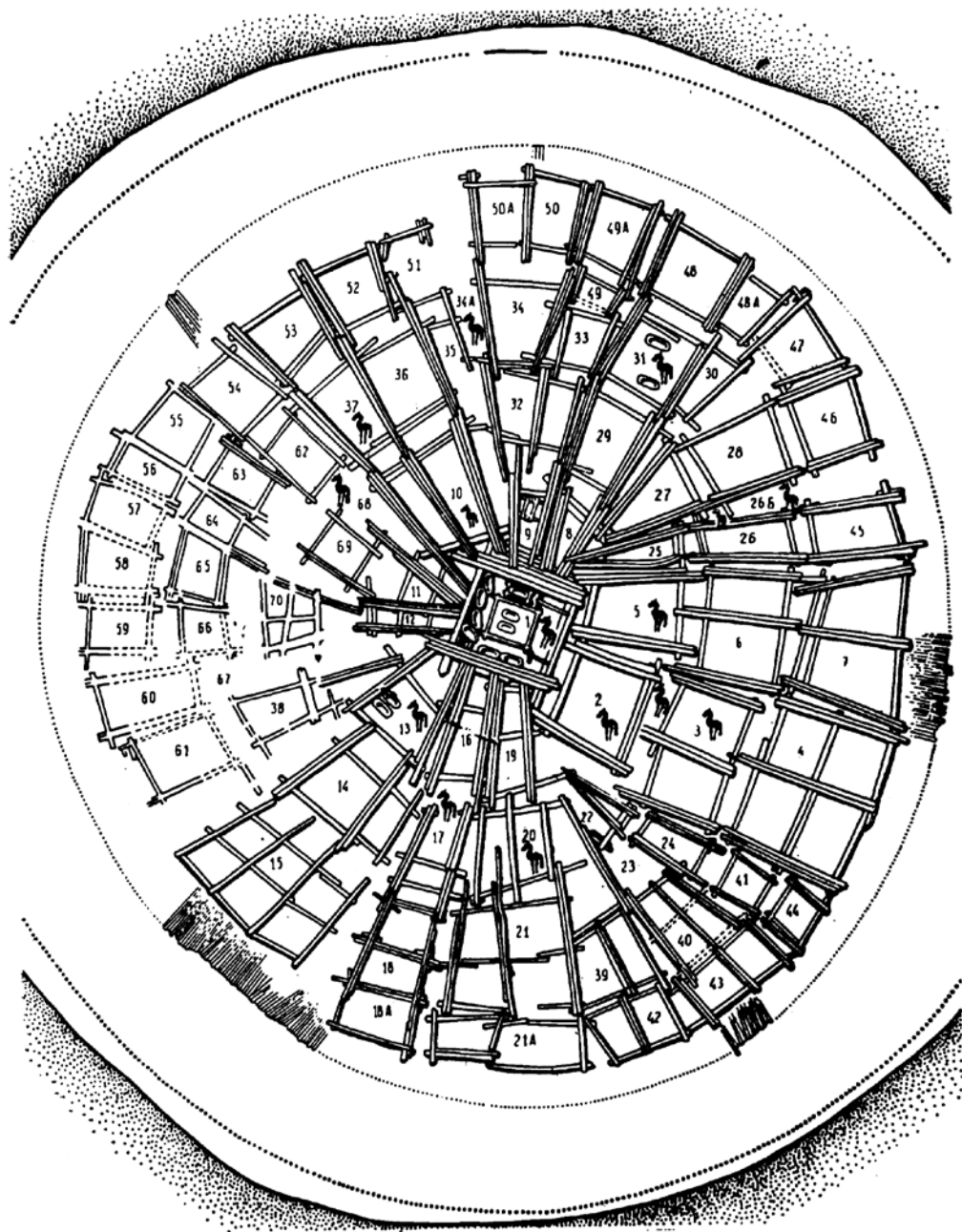

Рис. 1. Аржан. План-схема могильного сооружения.
 Фигуркой коня отмечены камеры с конскими захоронениями,
 овалами – колоды с захоронениями людей.

о происхождении скифов и скифской культуры, о развитии культур скифо-сибирского типа неоднократно дискутировались, но до последних дней оставалось неизблемым общее представление о том, что скифская культура возникла в Причерноморье во второй половине VII в. до н. э., что на восток, в Сибирь, достижения скифской культуры проникали с запаздыванием и в измененном виде.

Еще 20 лет тому назад А. А. Иессен, собирая тогда по крохам материал по памятникам предскифского времени, показал, на мой взгляд убедительно, что период VIII–VII вв. до н. э. в степях Причерноморья был «начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого слова»¹. Значит, скифская культура формировалась еще в VIII в. до н. э., т. е. задолго до легендарных походов скифов в Переднюю Азию.

За прошедшие 20 лет стало известно значительное число новых памятников VIII–VII вв. до н. э. в разных местах степной полосы, но работа А. А. Иессена не потеряла своего значения и сейчас. Скифологи не приняли положения о ранней поре скифской культуры и продолжают относить ее начало к так называемому раннескифскому времени – VII–VI вв. до н. э., а памятники VIII – VII вв. до н. э. – либо к предскифскому времени, либо к киммерийцам. Между тем раскопки царских курганов Птичата могила в Болгарии близ Варны, Высокая могила в Запорожье и Аржан в Туве заставляют коренным образом пересмотреть вопросы происхождения и сложения культур скифо-сибирского типа. Совершенно исключительное значение в этом плане имеет курган Аржан. На нем надо остановиться особо.

Аржан еще недавно представлял собой круглое каменное возвышение диаметром 120 м, окруженное с трех сторон более чем 300 каменных оградок высотой 3–4 м.² Под ним открыто деревянное сооружение, реконструируемое в следующем виде (рис. 1). В степи было построено около 70 срубов, расположенных радиальными и кольцевыми рядами вокруг центрального сруба. На высоте около 3 м срубы покрыли сплошным бревенчатым потолком. Образовалась круглая платформа диаметром 80–85 м. Вокруг нее соорудили из плитняка каменную стену (крепиду) высотой не менее 2,5 м, пространство внутри которой заложили камнем. Так получилась плоская цилиндрическая каменная платформа диаметром 105 м, высотой до 4–5 м, с заключенным в ней огромным деревянным сооружением. Более подробное описание памятника и найденных в нем вещей дано в предварительных сообщениях о раскопках кургана³. Здесь же позволю себе лишь вкратце напомнить об основных особенностях устройства кургана и о погребальном обряде.

Погребальный обряд можно представить предположительно так. В сентябре на похороны «царя» съехались тысячи людей. Они срубили в бли-

жайшем лесу тысячи вековых лиственниц и сложили из них круглое деревянное сооружение. Полторы тысячи человек могли сделать это за семь-восемь дней. В центральном срубе, в особом помещении с двойными бревенчатыми стенами, полом и потолком, уложили в две деревянные колоды «царя» и «царицу» в богатых одеждах с драгоценными украшениями. Под полом этого помещения найдены хвостовые позвонки не менее 15 лошадей. Современные тувинцы говорят: «Не ездь верхом на олене – упадешь, наколешься на его рога; не ездь на быке – упадешь, напорешься на рога; поезжай на коне – упадешь, он тебе подстелит хвост и гриву, мягко ляжешь на землю». У нас на похоронах принято было говорить, обращаясь к усопшему: «Пусть земля тебе будет пухом». Ранние кочевники Тувы выражали эту идею материально, выстилая землю под могилу «царя» конскими хвостами и гривами.

Курган разграблен еще в древности. Могила «царя» опустошена. Остались в ней обрывки одежд из импортных переднеазиатских узорчатых шерстяных тканей и собольего меха, незначительные фрагменты различных украшений, в том числе и золотых, бирюзовые бусы и тонкие пластинки. Особенно важно отметить находку 20 мелких бирюзовых пластинок. Это вставки (инкрустация) в массивных литых золотых украшениях с изображениями зверей, известными нам по золотым бляхам Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже. Значит, одежды «царя» в Аржане были украшены золотыми бляхами, исполненными в зверином стиле.

С трех сторон вокруг помещения с «царем» в отдельных колодах похоронили семь старцев и одного молодого человека – знатных, в богатых одеждах, с оружием. В их могилах найдены остатки одежд из импортных тканей и дорогих мехов, золотые украшения, бронзовые стрелы и кинжал. С четвертой, восточной, стороны уложили шесть верховых коней с богатыми уздечками, вероятно, и с седельными уборами. Ремни были украшены бляхами и подвесками из золота, серебра, клыков кабана и красивого полудрагоценного камня антигорита. Это были, видимо, кони самого «царя», кони «собственного седла».

В шести срубах, расположенных около центрального, к югу и востоку от него (рис. 1, камеры 2, 3, 5, 13, 17, 20), погребено по 30 и по 15 верховых коней в каждом, и три коня отдельно, между срубами 2 и 3. Возможно, это дары погребенному от подвластных ему семи племенных подразделений. По материалам Пазырыкских курганов на Алтае я высказал предположение, что кони в царских курганах Алтая и Скифии не были собственностью погребенного в могиле «царя», а представляли собой дары от подчиненных ему племенных и родовых подразделений⁴. То же и в Аржане. Уздечные уборы верховых коней всех семи групп однотипны, но в каждой отдельной

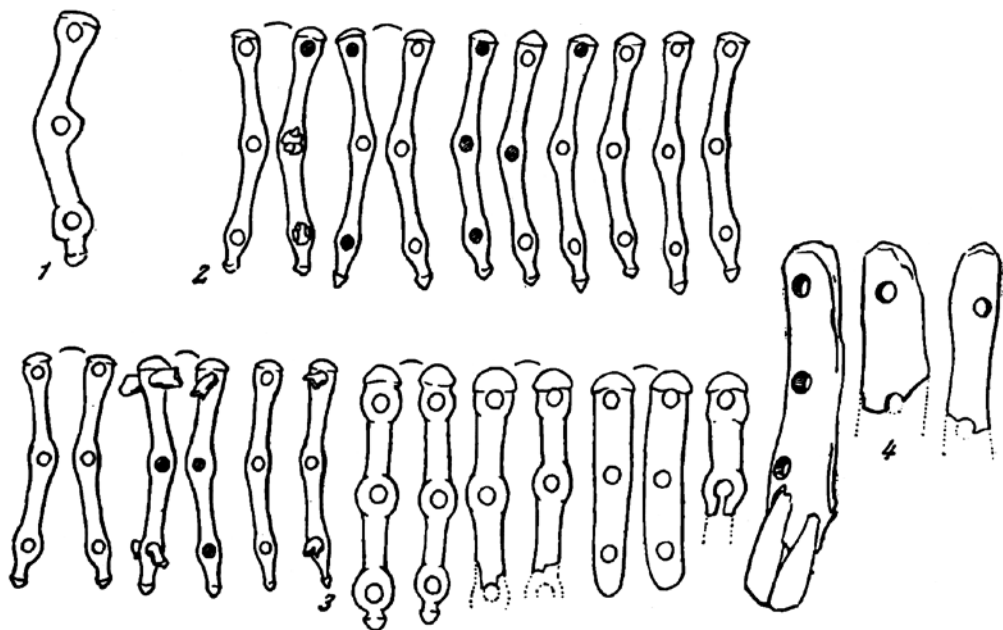

Рис. 2. Аржан. Псалии из конских захоронений в южном и восточном секторах кургана.
 1 – из камеры 13; 2 – из камеры 20; 3 – из камеры 5; 4 – из камеры 2.

группе довольно отчетливо выражены этнографические отличия ее от остальных групп. Лучше всего это можно наблюдать по псалиям. Так, в камере 20 сохранились бронзовые псалии восьми уздечек. Все они одного характерного типа: слабоизогнутый стержень с тремя круглыми отверстиями, с грибовидной шляпкой наверху и конической головкой на тонкой шейке внизу (рис. 2). Назовем этот тип псалиев аржанским. Псалии каждой из восьми уздечек отлиты в особой форме. Псалии одной уздечки (правый и левый) совершенно идентичны по форме и размерам, псалии разных уздечек во всех случаях отличаются мелкими деталями в пропорциях и размерах. В камере 2 из 14 сохранившихся уздечек у 11 псалии были того же аржанского типа и различались по мелким деталям: у двух уздечек псалии сделаны из челюсти коня; у одной – из толстой кожи. Уздечки многих коней в этой камере украшены большим числом подвесок из клыков кабана и лошади, что в других шести камерах этой группы не наблюдалось. В камере 3 сохранились псалии 13 уздечек, и все они того же аржанского типа. В отличие от камеры 2, здесь не было никаких уздечных украшений. В камере 5 псалии трех уздечек были бронзовыми, четырех – роговыми. Все – аржанского типа, только роговые псалии отличаются от бронзовых некоторыми деталями формы, иногда упрощенной, и пропорциями в связи с особенностями материала, из которого они сделаны, и техники изготовления. В

сильно разграбленной камере 13 уцелел только один псалий. Он того же типа, но отличается от псалиев всех остальных камер массивностью и некоторыми деталями – резким изгибом стержня посередине, кольцевидным расширением у нижнего отверстия и петлевидным – у среднего.

Вряд ли можно сомневаться, что уздечки и остальные детали конской сбруи в камерах принесены общественными коллективами одной культуры, хотя по различию в отдельных деталях можно предполагать принадлежность их разным этнографическим подразделениям. Назовем условно носителей этой культуры аржанскими племенами, предполагая, что в кургане Аржан погребен их владыка – «царь», или вождь племени.

Среди захоронений семи групп верховых коней погребено еще пять знатных богатых старцев: четыре – в камере 13 и один – в камере 9.

В северной половине сооружения в трех срубах второго кольцевого ряда, в одном – первого ряда и в двух проходах между срубами погребено по два, пять, десять и т. п. верховых коней в каждом и еще два знатных старца. Сбруйные наборы в этих захоронениях различны, разнотипны. В каждом из этих шести захоронений сбруйные наборы – особого типа, отличного от наборов остальных захоронений. В камере 26 сохранились псалии от семи уздечек, все одного типа: бронзовые короткие слабоизогнутые стержни с заостренными концами, с тремя отверстиями, вокруг которых на стержне как бы образовались вздутия (рис. 3). Назовем псалии этого типа остроконечными. Ни в какой другой камере псалии типа остроконечных не найдены. Уздечки камеры 26 богато украшены. Сохранилось множество разнообразных бляшек, вырезанных из клыков кабана, – круглые, бинарные, каплевидные, бабочковидные и др. Есть подвески из клыков кабана, трехжелобчатые и другие бляшки из аргиллита, какие-то деревянные фигурные накладки и др. Замечательны пять бронзовых наверший с фигурой горного барана, однако они не имеют прямого отношения к сбруе коня⁵.

В камере 37 сохранились псалии от девяти уздечек. Все они роговые, одного типа: прямой уплощенный трехдырчатый стерженек с небольшими расширениями около дырок; верхний конец прямо обрезан, нижний – закруглен. Назовем эти псалии прямоверхими. Только одна пара псалиев более сложна по форме, приближаясь к псалиям аржанского типа, но отличаясь от них угловатыми прямоугольными очертаниями. Прямоверхие псалии ни в одной другой камере не встречены. Несколько уздечек этой камеры украшены подвесками из клыков кабана.

В камере 34 сохранился только один псалий. Он совершенно своеобразен – такие нигде больше не встречены. Это прямой бронзовый трехдырчатый стержень с тремя колечками-дырками. Нижний конец имеет небольшой бико-нический отросток. Назовем псалий этого типа трехкольчатым.

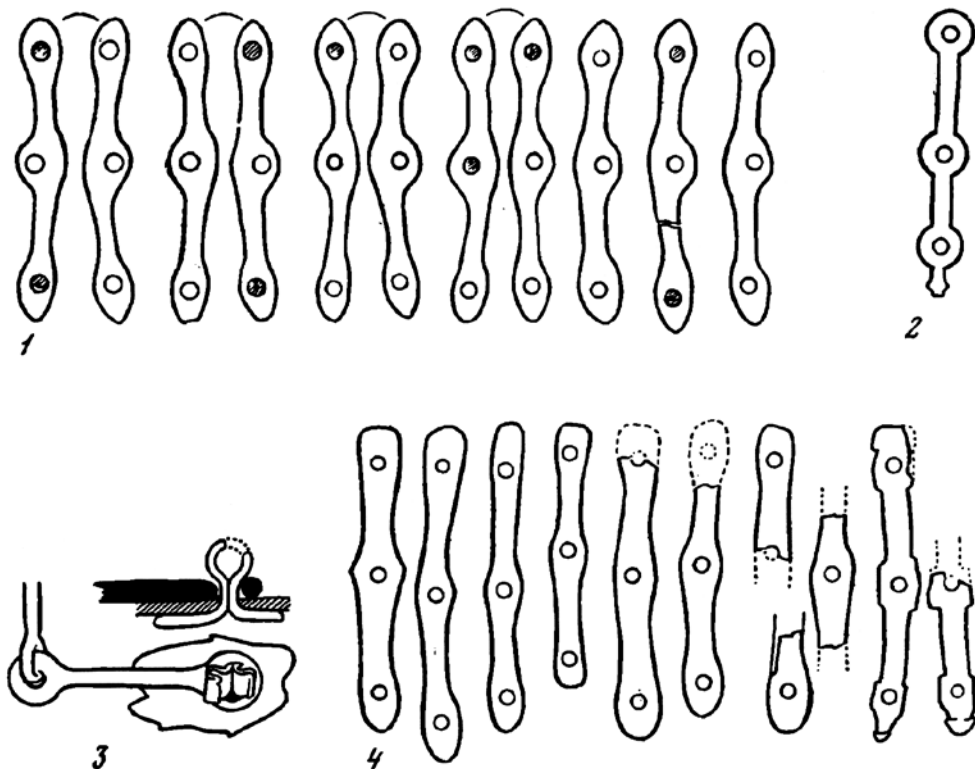

Рис. 3. Аржан. Псалии из конских захоронении в северных секторах кургана.
 1 – из камеры 26; 2 – из камеры 34; 3 – из камеры 31 (все 10 – деревянные);
 4 – из камеры 37.

В камере 31 грабители совершенно не тронули захоронение коней: у всех десяти коней сохранились *in situ* удила и не попадавшие в других камерах длинные клыки кабана, по два-три у черепа. Псалии же не сохранились. Только у одного коня уцелела часть ремня, прилегавшая к кольцу удила и соединявшая удила с круглой деревянной палочкой – псалием. Очевидно, у всех десяти коней были деревянные псалии, форма и устройство которых, к сожалению, остались нам неизвестны.

Итак, псалии каждой из четырех камер, в которых они сохранились, принадлежат особому типу, отличному от аржанского и от типов всех других камер. Это дает право предполагать, что кони каждой из камер северной половины кургана принадлежали разным этническим образованиям (племенам или племенным союзам), в отличие от коней из семи камер южной и восточной частей кургана, которые все принадлежали аржанским племенам, составлявшим, по-видимому, одно большое этническое образование. Возможно, что кони в захоронениях северной половины кургана –

это подношения «великому царю» от соседних, неподвластных ему племен. Вспомним, что в более позднее время, когда хоронили первого тюркского кагана Истеми, то на его похороны съехались «плачущие и стонущие» со всех концов земли, в том числе и от некоторых неподвластных тюркам племен и народов тихоокеанского побережья, сибирской тайги, Средней Азии и даже «авары и рум», т. е. посланцы кочевников южных степей и далекой Византии⁶.

Всего в кургане погребено с «царем» 15 сопровождающих его знатных лиц, помещенных каждый в отдельную колоду, и более 160 верховых коней. Можно предполагать, что при погребальной тризне было принесено в жертву и съедено более 300 лошадей. Шкуры их с оставленными в них черепом и костями концев ног были положены, по-видимому, на окружающие курган круглые каменные оградки. Пировало, вероятно, около 10 тыс. человек.

Итак, курган Аржан по содержанию сложный, многосоставной памятник. Он состоит из могилы «царя» с «царицей» и 15 захоронений знатных вельмож, из семи массовых захоронений верховых коней, принесенных в дар от подвластных «царю» племенных подразделений, и из шести таких же захоронений коней, присланных ему от иностранных владык. Все эти 29 объектов являются, во-первых, закрытыми археологическими комплексами, во-вторых – памятниками разных районов страны, которой управлял погребенный, и в определенной степени соседних с ней стран.

Значит, Аржан надо рассматривать как 29 отдельных археологических комплексов, датируемых одним днем, но происходящих из 13 разных географических пунктов, причем семь из них относятся к одному географическому району и характеризуют культуру его населения. Будем называть эту культуру аржанской, или, осторожнее, аржанским этапом культуры ранних кочевников Тувы. Территория этой культуры совпадает, вероятно, с Тувинской и Турано-Уюкской котловинами, а может быть, простирается и несколько далее на юг. Шесть других комплексов происходят из каких-то, вероятно, не очень удаленных от Тувы районов, населенных близкими по культуре к аржанским племенами.

Состоящий из 29 синхронных (с точностью до одного дня) археологических памятников курган Аржан представляет собой прочную основу как для характеристики аржанского этапа, так и для определения его относительной и абсолютной даты. В существующей периодизации эпохи ранних кочевников в Туве аржанскому этапу нет места. Он, очевидно, находится за ее пределами. Типологически он предшествует альдыбельской культуре А. Д. Грача⁷ или первому этапу уюкской культуры Л. Р. Кызласова⁸, датируемым VII–VI вв. до н. э. Предшествует он и синхронным указанным пе-

риодам майэмирскому этапу на Алтае⁹ и тасмолинской культуре в Казахстане¹⁰. Следовательно, аржанский этап может быть отнесен ко времени не позже начала или середины VII в. до н. э., вероятнее – VIII–VII вв. до н. э.

Курган Аржан – не единственный памятник аржанского этапа в Туве. Аржанскому этапу принадлежат, видимо, не все, но значительная часть так называемых оленных камней Тувы. Обломок оленного камня, найденный в 1973 г. в кургане Аржан (рис. 4, 2), – первый случай хронологической привязки оленных камней к погребальным комплексам. Замечательно, что в 1971 г. в Болгарии, в упомянутом царском кургане VIII–VII вв. до н. э. Птичата могила¹¹, найдена стела круга раннескифских изваяний Причерноморья, ананьинских стел Приуралья и оленных камней Саяно-Алтая и Монголии. Это – первая находка достоверно киммерийской стелы¹².

Оленный камень Аржана принадлежит, видимо, к ранним антропоморфным стелам Тувы и Монголии. Можно предполагать, что древнейшими были круглые столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов и первоначально изготовлявшиеся из круглых стволов дерева. Таковы известный камень из Кобдо (рис. 4, 10) и аржанский (рис. 4, 2). Они имеют правильную цилиндрическую форму, один – без изображений зверей, другой – с фигурами оленя и кабана. Ранними же были, вероятно, и столбообразные четырехгранные стелы с более архаичными изображениями зверей на прямых ногах с опущенными вниз копытами. Один такой камень, известный в литературе под названием Уюк-Аржан (рис. 4, 13), находился недалеко от кургана Аржан, другой (рис. 4, 3) – в 15 км к юго-западу от кургана, в урочище Орзак-аксы. Более поздними надо считать столбообразные или плитообразные антропоморфные стелы со стилизованными изображениями оленей в стремительном беге. Один такой камень (рис. 4, 12) стоит в 6 км к юго-западу от Аржана, в урочище Чингатаг, другой (рис. 4, 11) – в местности Большой Ажик, в 100 км к востоку от г. Кызыл. В Туве оленные камни сильно варьируют от простых, крайне схематических изображений воина, на которых условно показаны лишь ожерелье, пояс, серьги (рис. 4, 5–8), до более полных и понятных фигур человек с едва намеченными лицом и рукой (рис. 4, 9). Аналогии этим памятникам известны на Урале, Северном Кавказе, в Северном и Западном Причерноморье и датируются «предскифским», или киммерийским, временем.

Если для датировки аржанской культуры мы обратимся к рассмотрению типов найденных в кургане вещей, то, как ни странно, ближайшие аналогии им найдем не в степях Азии, а далеко на западе, в степях Причерноморья. Это прежде всего стрелы. Набор бронзовых и костяных наконечников стрел почти полностью совпадает с набором стрел Высокой могилы Запорожья и других причерноморских памятников VIII–VII вв. до н. э.¹³

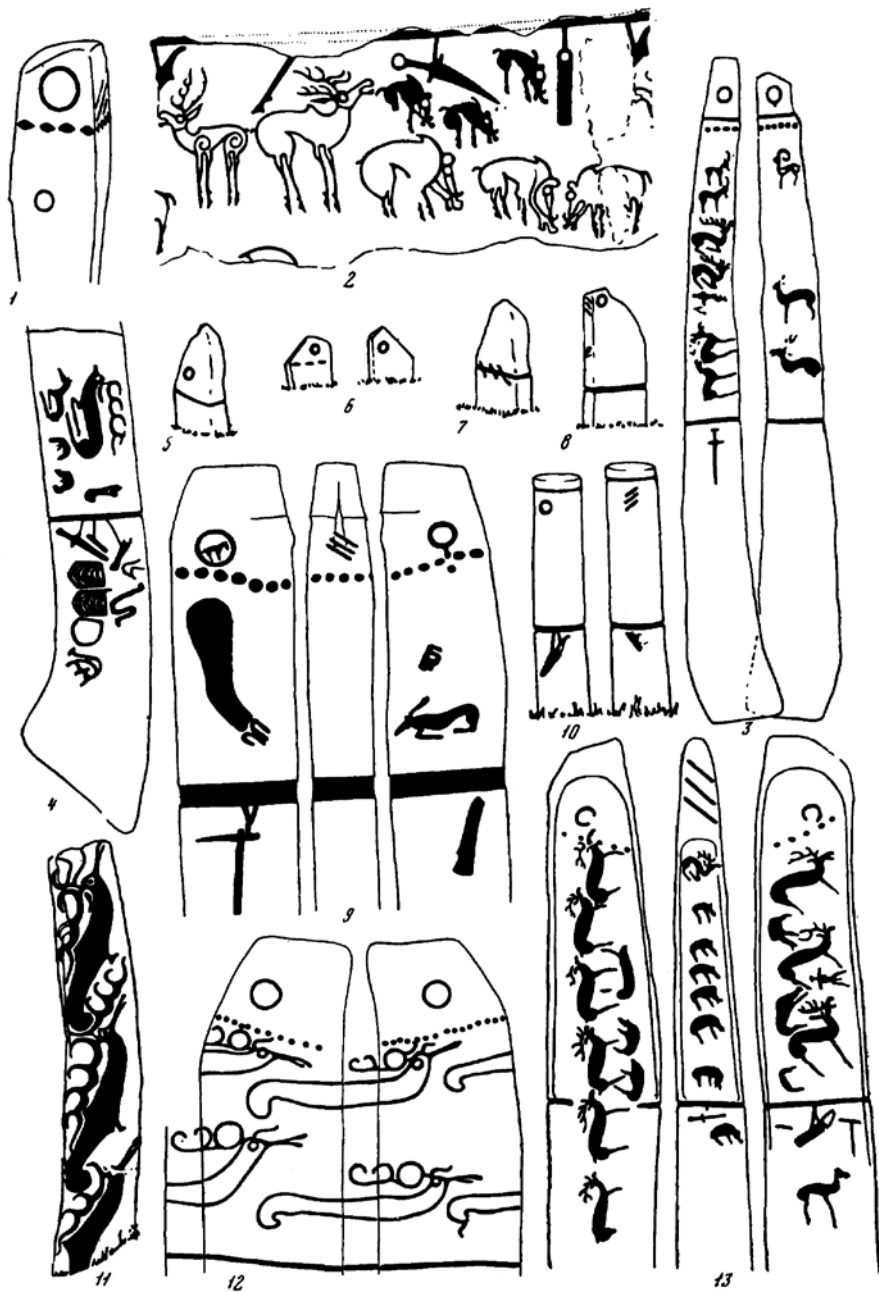

Рис. 4. Оленные камни Тувы (1-9, 11-13) и Монголии (10).

1 – д. Сосновка; 2 – курган Аржан; 3 – Орзак-Аксы; 4 – второй туранский камень; 5-7 – оз. Белое близ Аржана; 8 – д. Уюк; 9 – Самалгатай; 10 – Кобдо; 11 – Большой Ажик; 12 – Чингатаг; 13 – Уюк-Аржан (5-8, 10 – по: JSFOU, XXIV, 1907, p. 17-29; остальные по эстампам Аржанской экспедиции).

Многочисленные бляшки разных форм, вырезанные из клыков кабана, находят себе аналогии только в Северном Причерноморье. Разные их варианты, иногда совершенно подобные аржанским, найдены в комплексе Веселая Долина на Северском Донце, на Субботовском городище на Днестре и на поселениях белозерского этапа (Широкое, Кирово). Все это комплексы VIII–VII вв. до н. э. На более поздних памятниках скифского времени подобных вещей нет. VIII–VII веками до н. э. по аналогии с памятниками «начального этапа» скифской культуры следует определять и трехжелобчатые бляшки Аржана, сделанные из зеленого антигорита и белого аргиллита, а также деревянные, покрытые золотом.

В Аржане среди многих десятков псалиев от узды – бронзовых, роговых, кожаных и деревянных – нет ни одного, который имел бы аналогии в материалах каких-либо памятников VII–VI вв. до н. э. Зато основная их масса – изогнутые трехдырчатые с грибовидной шляпкой и с конически заостренными концами – находит аналогии на памятниках VIII–VII вв. до н. э. Причерноморья¹⁴.

В системе относительной хронологии Аржан должен занять место, предшествующее раннему скифскому периоду, в системе абсолютной хронологии – VIII–VII вв. до н. э. Аржанский этап, следуя А. А. Иессену, надо считать начальным этапом скифской культуры. Основным препятствием для признания памятников этого периода в Причерноморье скифскими служило, по-видимому, отсутствие произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, и не вполне еще скифские формы оружия и сбруи. Но в Аржане полностью представлена вся «скифская триада» в хорошо сложившихся формах. Предметы вооружения и сбруя здесь еще не раннескифских типов VII–VI вв. до н. э., а, как и в Причерноморье, несколько отличных форм, которые следует считать начальными формами собственно скифских типов. Звериный же стиль представлен великолепными образцами изделий из бронзы, кости и камня.

«Начальный этап скифской культуры» нам теперь известен не только в Причерноморье и Туве. Его можно выделить и в некоторых других районах степей. Пока очень немногочисленные погребения на Алтае, в могильниках Курту и Усть-Куюм, указывают на наличие здесь особого этапа, предшествующего майэмирскому¹⁵. В Восточном Казахстане группа погребений VIII–VII вв. до н. э., отличная от памятников тасмолинской культуры, также характеризует особый этап¹⁶.

Памятники VIII–VII вв. до н. э. на обширных пространствах степей известны пока в крайне малом количестве. Во многих районах они вообще еще не обнаружены. Но и то немногое, что нам известно, позволяет сделать важные заключения. Сейчас уже нельзя говорить о том, что культуры

скифо-сибирского типа, сформировавшись в VII в. до н. э., распространялись затем из какого-то единого центра в разных направлениях, в том числе и далеко на восток. В связи с переходом населения степей к кочевому и полукочевому скотоводству, несомненно, имели место более или менее значительные перемещения народных масс. Происходили завоевания, переселения, исчезновение одних групп населения и быстрый рост других, процессы ассимиляции, культурных заимствований и др.

Но не это определяло основное направление прогресса в экономике и культуре степных племен и народов того времени.

Переход к новой экономике был стимулом к развитию новых прогрессивных форм хозяйства и культуры, к отказу от старых форм. В этих условиях признаки этнического порядка отступают на второй план, и нам трудно теперь уловить, какие группы населения куда переселялись, кто, откуда и что заимствовал. Нам ясно видна лишь картина того, как на обширных просторах степной полосы Евразии с VIII в. до н. э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа. Но каждая из них вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым, в связи с особыми условиями обитаемой страны. В условиях широкого межплеменного обмена, осуществляемого как мирным путем, так и путем войн и грабительских набегов, отдельные культурные приобретения того или иного племени получают всеобщее распространение.

Наша задача заключается сейчас не в том, чтобы искать какого-то гипотетического предка, родоначальника всех скифов, саков, массагетов и т. п., а в том, чтобы изучать и определять роль в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы. Нет сомнения, что древние племена азиатских степей были такими же творцами и соиздателями культур скифо-сибирского типа, как и их современники скифы. Возможно, что в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например алтайских и тувинских, в некоторых случаях был более значителен, чем собственно скифов.

Может быть, следует подумать и о том, были ли вообще европейские скифы центром скифо-сибирского культурного мира, как мы привыкли считать? Ведь географически они занимали далекую периферию этого мира и находились рядом со средиземноморскими цивилизациями, соседство и близкие контакты с которыми могли и подавлять их творческую деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. – СА, XVIII, 1954.

² Дерпгольц В. Ф. Древнее сооружение Тувы – конденсатор паров наземной атмосферы. – Природа, 1964, № 8; Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. – СА, 1960, № 3.

³ См. статьи М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола в следующих изданиях: Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 16, 1973; 17, 1975; АО 1971–1974 гг. М., 1972–1975.

⁴ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, с. 70.

⁵ АО 1973 г. М., 1974, с. 193.

⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 36.

⁷ Грач А. Д. Альдыбельская культура раннескифского времени в Туве. – В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

⁸ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. – Вестник МГУ, сер. ист.-филол., 1958, № 4.

⁹ Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. – КСИИМК, XVIII, 1947.

¹⁰ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. – В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

¹¹ Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. – Thracia, I. Serdica, 1972.

¹² Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. – В кн.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975. .

¹³ Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой могилы. – СА, 1974, № 1.

¹⁴ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. ..., рис. 19 и др.

¹⁵ Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтырмы. – АСГЭ, 8, 1966; Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа..., с. 13.

¹⁶ Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана. – В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.